

ПОЭЗИЯ КАК НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

О. А. ДОНСКИХ

Новосибирский государственный университет
Новосибирский государственный университет экономики и управления
olegdonskikh@yandex.ru

OLEG DONSKIKH

Novosibirsk State University, Russia
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia

POETRY AS THE BEGINNING OF PHILOSOPHY AND SCIENCE

ABSTRACT. The article analyzes the situation of the formation of organized philosophical and scientific discourse in the pre-Socratic time, as well as in Alexandria and in the Arab Caliphate. It is shown that in all three cases it is, firstly, poetry that raised the verbal culture to such a level that the possibilities of using language expanded drastically and extreme generalizations became possible. Secondly, poetry performed a reflection upon mythology and formulated the problems that became the starting point of philosophical and scientific research. Poetry also inspired philosophers and scholars to use poetic forms to express their ideas and improve their language.

KEYWORDS: poetic genres, philosophy, logos, physis, philology, grammar, scientists-poets.

История науки показывает, что реальное развитие науки происходит в атмосфере общего культурного подъема, а, если говорить более специально, – развитие естественных и гуманитарных наук происходит не просто параллельно, но, как правило, начинается всплеском литературы и языковых исследований, которые обеспечивают саму возможность развития остальных наук. Это вполне очевидно, если исходить из общих соображений, но, тем не менее, в работах по истории науки этот аспект оказывается в тени.

Начнем с интеллектуального чуда, которое произошло в Древней Греции – почти невероятный расцвет литературы, риторики, филологии,

юриспруденции, музыки, философии, наук о природе, математики... Посмотрим, как развивалась натурфилософия.

Обычно, говоря о греческой науке, авторы от афоризмов первых мудрецов и этиологических мифов переходят к описаниям образов космоса, которые декларируют и обсуждают философы. При этом часто упускается из вида простой факт, что мифологические образы пришли из литературы, которая в данном случае осуществила рефлекссию и представила мифы в языковой форме, оторвав ее от ритуала и сделав предметом обсуждения. Это заслуга поэтов – эпиков Гомера и Гесиода, а также авторов элегий и ранней лирики – Каллина, Тиртея, Архилоха, Семонида и других, живших в VII – нач. VI в. до н.э.

И уже в поэтически богатой среде философы начинают работу по выработке специальных абстрактных терминов, без которых совершенно невозможно было бы в принципе поставить вопросы о первоначалах, о движении, о мире. Совершенно не случайно поэтому, что при описаниях тех или иных образов мироздания поэты оказываются в одних списках вместе с философами, потому что для их понимания необходимо глубоко вникать в их замыслы. Об этом Сократ прямо говорит в диалоге «Ион», имея в виду рапсодов:

... Вам необходимо заниматься многими отличными поэтами, и прежде всего – Гомером, самым лучшим и божественнейшим из поэтов, и постигать его замысел, а не только заучивать стихи. Как вам не позавидовать! Ведь нельзя стать хорошим рапсодом, не вникая в то, что говорит поэт; рапсод должен стать для слушателей истолкователем замысла поэта, а справиться с этим тому, кто не знает, что говорит поэт, невозможно (*Ион* 530с, пер. Я.М. Боровского).

А в «Кратиле» Платона мы читаем:

Ты полагаешь, далек был от этой мысли Гераклита тот, кто установил прародителям всех остальных богов имена Реи и Кроноса? Или, по-твоему, само собой так вышло, что имена обоих означают течение? Да и Гомер в свою очередь указывает на происхождение всех богов от Океана и «матери Тефии». Думаю, что и Гесиод тоже. Да и Орфей где-то говорит: Первым браку почин положил Океан плавнотечный, Взяв Тефию, сестру единоутробную, в жены. Так что все свидетельства соответствуют друг другу, и все это соответствует учению Гераклита» (*Кратил* 402b-с, пер. Т.В. Васильевой).

Аристотель в «Метафизике» говорит о том, что «тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного» (*Метафизика* 982b–15, пер. А.В. Кубицкого). Но подобное отношение Аристотеля к мифам, представленным более ранней литературой, показывает, что нет не только никакой пропасти между поэтами и философами, но,

более того, они заняты общей работой по развитию лексического богатства и формированию абстрактного словаря.

Обращаясь к первому дошедшему до нас философскому фрагменту из Анаксимандра (610–546 гг. до н. э.), мы обнаруживаем, что Анаксимандр говорит тяжеловесным, но вполне поэтическим языком. И это совершенно не случайно. Здесь необходимо сделать оговорку: греческая языковая культура в это время была исключительно устной, несмотря на то, что уже появляется фонематическое письмо. Тексты не читаются, а звучат. И уже это само по себе приближает любителей мудрости к мастерам слова: «А из каких [начал] вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [= ущерба] в назначенный срок времени» (Лебедев 1989, 127). Мы имеем здесь самый ранний философский фрагмент. Он представлен в виде прозаического высказывания. Это, по-видимому, отрывок из речи (Донских 2014, 120–122). Но этот отрывок по стилю и содержанию прекрасно вписывается в уже утвердившуюся традицию, заложенную Гомером и Гесиодом, и вполне созвучен своим старшим и младшим современникам-поэтам. Так, у Каллина мы читаем:

*...Вы мните, что в мире
Жизнь провоздаете? Нет! Всюду война на земле!
(Эллинские поэты 1999, пер. Г. Церетели, В. Ярхо, 231)¹*

О договоре с богами говорит Тиртей в «Благозаконии» (“εὐνομίας”):

*Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
Спарты всерадостный град на попечение дан²,
Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
Только благое вещают и правое делают дело,
Умыслов злых не тая против отчизны своей,
(Эллинские поэты 1999, пер. В. Латышева, Г. Церетели, В. Ярхо, 232).*

А Солон почти буквально говорит то же, что и Анаксимандр, только в отношении общества:

*Правды священной закон в пренебрежение у них!
Но и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было:
Пусть, хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!
(Эллинские поэты 1999, пер. М. Гаспарова, С. Радцига, Г. Церетели).*

¹ Букв.: «земля полна войной» ἀτὰρ πόλεμος γαῖαν ἅπασαν ἔχει – (Callinus).

² «...ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας, οἵσι μέλει Σπάρτης ἱμερόεσσα πόλις,...» (Tyrtaeus). Здесь и далее греческие тексты цитируются по базе *Perseus*.

Стоит дать слово младшему современнику Анаксимандра Феогниду Мегарскому. Вот что пишет о языке Феогнида А.И. Доватур: «Огромное поле терминологических изысканий с их исходным пунктом – изучение социальных терминов, известных из Феогнида, приведет исследователя (так, по крайней мере, представляется на основании не только априорных соображений, но и по некоторым наблюдениям) к выводу о тройной судьбе этих терминов. 1. Часть их прослеживается в литературе и дальше – они продолжают бытовать в консервативно настроенных кругах гражданства, например в Псевдоксенофоновой «Афинской Политии». 2. Часть усваивается языком демократии, но с переосмыслением: ἀνὴρ ἀγαθός в афинских декретах, как и у ораторов, означает не то же, что у Феогнида и его единомышленников. 3. Кое-что приходит в забвение, хотя и не сразу и не совсем (Доватур 1989, 70). Доватур показывает, что Солон, Феогнид и Еврипид обсуждают с разных сторон вопрос о возмездии потомкам за деяния предков. Сам факт такого возмездия не отрицается, но если Солон просто констатирует это, Феогнид прямо говорит о несправедливости богов, а для Еврипида потомки «неправедно благоденствующего человека терпят невзгоды не за прегрешения предка, а за то, что они сами в еще большей степени, чем их предок, являются носителями преступных свойств, которые они не замедлят проявить при благоприятных обстоятельствах» (Доватур 1989, 112). Иначе говоря, поэты обсуждают ту же проблему, что и Анаксимандр, только они говорят об обществе, тогда как последний говорит о мире в целом. В этом смысле Феогнид и Анаксимандр оказываются на одном поле, и «правозаконное возмещение неправды» вполне соответствует следующим стихам Феогнида:

*Да поможет мне Зевс воздать друзьям за дружбу
и стать мощнее врагов моих, Кирн.
Да я же среди людей окажусь богом,
коль смертный час приму отмстивши.
(Цит. по: Доватур 1989, пер. А.К. Гаврилова, 157).*

Таким образом, поэты не просто вводят слушателей в те же проблемы, которые интересуют и философов, но предлагают разные варианты подходов и отрабатывают соответствующую лексику.

Известно, что и сами философы широко использовали поэтические жанры – Ксенофан, Парменид, Эмпедокл, Клеанф, Лукреций, и др. Так, мы читаем у Эмпедокла (хотя, конечно, и в пересказе, да еще и в переводе), что «В столь сильную потаенность [?] Гармонии погружен Круглый Шар (Сфайрос), наслаждающийся радостным одиночеством» (Лебедев 1989, 351), или у Парменида:

Кони, несущи меня, куда только мысль достигает Мчали, вступивши со мной на путь божества многовещий, Что на крылах по Вселенной ведет познавшего мужа. Этим путем я летел, по нему меня мудрые кони, Мча колесницу, влекли, а Девы вожатыми были. Ось, накалившись в ступицах, со скрежетом терлась о втулку. (Ибо с обеих сторон ее подгоняли два круга, Взверченных вихрем), ... (Лебедев 1989, 295).

Оба текста относятся к понятию «бытие». Читая подобные тексты, становится понятным, насколько долог был путь к сухой понятийной рациональности. Не случайно Ф. Корнфорд говорит о философах как о пророках. Он так характеризует Парменида: «Он является любопытным соединением пророка и логика. Гераклит был пророком Логоса, который мог быть выражен лишь с помощью кажущихся противоречий. Парменид же пророк логики, которая не терпит даже подобия противоречия» (Cornford 1939, 29).

Сами филологические исследования истории понятий прекрасно демонстрируют совместную работу тех, кого мы относим к философам и поэтам, а в действительности бывших и теми и другими одновременно, и еще пророками в придачу. Возьмем понятие «природы». Оно отражает процессуальность античной картины мироздания. На это указывают не только космогонические картины (в рамках которых люди оказываются живущими в определенный период космического процесса – в один из «металлических» веков), но и сама этимология слова *physis* «природа» (от глагола *phuo* – «рождаю, возникаю...», что дает два значения – «возникающее» и «определяющее», причем большое значение приобретает связь природы и силы – *physis* и *dynamis*) указывает на процесс, на становление, а не на законченную структуру. Но это процесс, который задает появление определенной сущности (Ахутин 1988, 11–115). Мы используем это значение, когда говорим, например, о «природе» человека. Корнфорд в своем анализе понятия *physis* приходит к выводу, что первые философы, употребляя это слово, имели в виду не какой-то отдельный элемент, но «элемент, наделенный сверхъестественной жизнью и силой, субстанция, которая является в то же время Душой и Богом. Это та самая живая материя, в которой демоны, боги и души постепенно обрели свою форму. Это тот континуум гомогенного вещества, заряженный жизненной силой, который стал передатчиком магической симпатии, который теперь представлен явно, уверенным тоном очевидного заявления как субстрат всех вещей и источник их роста» (Cornford 1912, 123). Соответственно, любые рассуждения о структуре мироздания подразумевали темпоральность.

И только позже, уже в развитом понимании логоса как противостоящего мифу, в рамках сократических школ начинают различаться синхронный и

диахронный планы бытия (Hoffman 2003, 46–47). Вот как, согласно Цицерону (и это уже первый век до н.э.), определяет природу Зенон Стоик:

А Зенон так определяет природу: это, по его словам, творческий огонь, последовательно продвигающийся к порождению. Он полагает, что искусству более всего свойственно творить и порождать, и то, что в произведениях наших искусств творит рука человека, это природа совершает гораздо искуснее, – то есть, как я сказал, творческий огонь – учитель всех прочих искусств (Столяров 1999, 74–75).

Если верить Корнфорду (который и сам был поэтом) и свидетельствам античных авторов, а не поздним реконструкциям, то по крайней мере во времена классической античности литература и философия – а последняя выступает в это время началом других наук, – еще не только не развелись, но еще даже не думали о разводе, и шли по жизни рука об руку.

Конечно, здесь необходимо сделать одну оговорку, связанную со знаменитым высказыванием Платона о том, что «искони наблюдался какой-то разлад между философией и поэзией» (*Государство* 607b, пер. А.Н. Егунова). Существует несколько толкований этой фразы. Но наиболее естественным будет такое, которое опирается на любимую мысль Платона о том, что поэты – подражатели второго сорта, поскольку, в отличие от философов, подражающих самим идеям, они подражают их теням – природе. Платон дальше замечает:

Не то чтобы я хотел обидеть род поэтов; но ведь всякому ясно, что племя подражателей легче и лучше всего будет воссоздавать то, к чему каждый из них привык с ранних лет, а то, что лежит за пределом привычного, для них еще труднее хорошо воссоздать в речи, нежели на деле (*Государство* 607d-e, пер. А.Н. Егунова).

Но сам факт, что Платону приходится подробно обосновывать отличие философии от поэзии, очень показателен. Нам это делать явно не необходимо. Это говорит о том, что в глазах большинства граждан серьезных отличий просто нет. Поэзия и философия в античном мире существуют в одном культурном смысловом пространстве, поддерживая друг друга.

Еще один пример – образ мира, по Хрисиппу, в изложении Филона Александрийского:

Таким образом, все небеса и весь мир [наслаждаются вечной радостью, не смешанной со скорбью,] поскольку мир есть живое существо, разумное, оживленное, наделенное добродетелью и по природе своей философствующее. Именно по этой причине он не испытывает скорби и страха и исполнен радости. Говорят, что и сам Отец и Творец мироздания в своей жизни непрестанно ликует и предаётся забавам, с пристойной веселостью наслаждаясь божественными шутками, ни

в чем не имея нужды и никакого недостатка, обретая радость в самом себе, в своих добродетелях и созданных им мирах» (Столяров 2002, фр. 635).

Это образец физического учения стоиков, относящееся к III веку до н.э. То есть прошли уже по крайней мере три века со времени появления так называемых «натурфилософских учений», но мы все еще находимся на поле воображения, смешанного с рациональностью. А рядом существует Ликей Аристотеля с его очень сухим – рациональным и в то же время эмпирически ориентированным – подходом к разным вопросам. И такие примеры легко умножить.

Теперь обратимся к Александрии, где Птолемеи создали интеллектуальный центр, древнейшую академию наук, соединив традицию египетских «домов жизни» и древнегреческой традицией, где пифагорейцы начали создавать «мусейоны» (общества с культом муз), а Аристотель при Ликее дополнил свой мусейон библиотекой. В Александрии начинается письменная культура, которая открывает другие возможности, поскольку через тексты организует прямой диалог с предшественниками.

Необходимо отметить следующий момент: когда после смерти Александра Македонского диадохи разделили его империю на несколько государств, греки, бывшие в этих государствах в меньшинстве, начали основывать гимнасии и развивать обучение. Было найдено немало папирусов, относящихся к третьему веку до н.э., которые содержали литературные тексты. Образование позволяло грекам утверждаться в своей культуре, что обеспечивало им сознание превосходства. «Даже в небольших населенных пунктах люди имели книги, а в таких более крупных центрах, как Оксирих, где было найдено значительное количество папирусных свитков, были даже библиотеки. Для греков империи Птолемеев (и, конечно, для живших в империи Селевкидов) национальная литература несомненно представляла культуру, которая легитимизировала их право управлять коренным населением. Изучение литературы было, однако, не только основанием уверенности в своем превосходстве для греков в Египте и в Азии, но также объединяло их в отличие от египтян и азиатов в качестве интеллектуальной общины на базе общего образования» (Vlunt 1991, 97). Греческая система образования – пайдейя – подразумевала формирование гражданского сознания, что поднимало греков в их собственных глазах над остальными народами. При этом пайдейя надстраивалась над обучением грамоте, счету и гимнастике и опиралась на классическую литературу.

Ориентация на чистое исследование, которая стала возможной благодаря философии, позволила сформировать такие приемы интеллектуальной работы, которые уже не зависели непосредственно ни от какой философ-

ской школы. А. Боннар пишет: «Ученые Мусейона не исповедовали определенной философии и даже аристотелевской философии. Они заимствовали у Аристотеля не метафизику, а направление работы, метод работы. Итак, Мусейон не был философской школой, какой был Портик стоиков, платоновская Академия, аристотелевский Ликей. Это действительно был университет. Следовательно, в Александрии создали науку» (Боннар 1992, 252–253).³ При этом основанием для развития всех остальных наук, которыми занимались в Александрии, послужили поэзия и филология. Это произошло благодаря тому, что поэзия обогащала язык, а филология позволила, во-первых, правильно тематически организовать собираемые в библиотеку тексты, что дало возможность ученым разных направлений знакомиться с работами предшественников; а, во-вторых, создавая словари, совершенствовала язык, позволяя эффективно и терминологически грамотно общаться на различные темы. Иногда обилие текстов приводило к ситуациям, когда гипотезы множилось и не находилось логического основания, позволявшего предпочесть какую-нибудь из них.

Библиотекарь был наиболее важной фигурой в Александрийской академии. Совершенно не случайно библиотеку возглавляли филологи-поэты, особенно вначале. Одним из первых руководителей библиотеки был Каллимах из Кирены, потом его сменил Зенодот. Рудольф Блум называет еще четырех знаменитых поэтов, которые работали в Александрии при первых Птолемах – Александра Этолийского, который был признан одним из членов «плеяды» – семи звезд трагических поэтов эпохи эллинизма, Ликофрона из Халкиды, Аполлония Родосского – автора знаменитой «Аргонавтики». Кроме того, в Александрии работали значительные ученые-поэты, как, например, Филит из Коса, который был назначен Птолемеем I в качестве учителя литературы для его сына – Птолемея II, также при Птолемах в Александрии жил знаменитый Феокрит Сиракузский (Blum 1991, 98).

Каллимах составил каталог писателей и списки их трудов в 120 томах, но в первую очередь он был поэтом – он писал трагедии, гимны, эпиграммы и т.д. В своем поэтическом сборнике «Причины» он встречается с музами, как Гесиод. Зенодот, также поэт и филолог, который известен в качестве эпического поэта и прославился своими комментариями к Гомеру и другим поэтам; он, в частности, отмечал места, которые он считал интерполяциями. В Мусейоне возникает текстология в виде критики текстов. Александрийские филологи составляют словари редких слов или слов, ставших архаи-

³ Также у Блума: «Мусейон был королевским институтом и несмотря на связь правящей династии с членами Перипатоса не представлял никакой определенной философии» (Blum 1991, 97).

ческими, пишут комментарии к литературным шедеврам древности, грамматические трактаты. Работа с языком идет параллельно работе в других научных сферах. Если на этапах формирования общих понятий и осознания грамматических категорий любовь к слову еще не превращается в систематическое исследование, то именно в Александрии возникает филология как наука. Ученые занимаются собиранием, классификацией и комментированием текстов. Они пытаются восстановить подлинные тексты, освобождая их от интерполяций, внесенных переписчиками, создают словари устаревших и редких слов. Работа по выявлению значений устаревших слов требует углубленного языкового анализа и наряду с философско-логическими исследованиями языка это приводит к созданию грамматики – одного из величайших научных достижений античной мысли. «Грамматика оформляется в самостоятельную дисциплину со своим объектом, специфическим методом исследования, собственной терминологией. Заслуга выделения грамматики в самостоятельную отрасль науки принадлежит ученым Александрии» (Оленич 1980, 214). Была заложена грамматическая традиция, которая нашла продолжение в римскую эпоху.

Параллельно филологическим штудиям развиваются астрономические, географические, математические и другие исследования. В свою очередь, без лингвистики не могли бы быть сформулированы законы, поскольку они строятся на строго определенных значениях слов, а о значении юриспруденции для Римской империи говорить не нужно. А именно филология прививала вкус к ясности и точности выражения мысли. Не случайно работы Аристарха Самофракийского, одного из директоров библиотеки, который отредактировал Гомера и сделал аналогию методом филологического анализа, приобрели легендарную славу. А знаменитый Эратосфен, друг Архимеда, отец географии, был не только математиком, но филологом и поэтом. Филология и поэзия шли вместе с точными и естественными науками, и они опирались друг на друга. Со временем как филологические, так и натурфилософские исследования все больше специализируются и становятся относительно самостоятельными; так, александрийцы-математики и натурфилософы нашей эры уже не занимаются филологией. Достаточно назвать Клавдия Птолемея или Иоанна Филопона. А грамматик Аполлоний Дискол увлечен исключительно лингвистическими исследованиями и не обращается к наукам о природе.

Обратимся теперь к истории арабской науки, которая переживает удивительный расцвет в VIII – XII веках. Очевидно, что все начинается с Корана. «Для понимания священного текста Корана необходимо было погрузиться в стихию языка и культуры древней Аравии, и с этой точки зрения древняя

поэзия была первоклассным, не имевшим равного по значению источником» (Фильштинский 1985, 41). Богатство арабского языка находило выражение в первую очередь в поэзии, которая была «символом единства между оседлыми и кочевыми арабами, и, чего не хватало последним в отношении богатства и политического превосходства, возмещалось поэзией в отношении моральных вопросов и культурных идеалов» (Abdulla el Tayib 1983, 35). Поэты пользовались огромной славой. Поэтому, «оберегая чистоту всего арабского и стремясь предотвратить растворение завоевателей среди покоренных народов, Омейяды культивировали бедуинские поэтические традиции, приглашая ко двору аравийских поэтов и ораторов, и осыпая их всеческими милостями» (Фильштинский 1985, 163–164). Одним из важнейших жанров были панегирики, и уже при жизни Мухаммада появляются панегиристы, которые сочиняют свои произведения во славу ислама. Доисламская поэзия была очень популярна и после принятия ислама. Некоторые поэты знали огромное количество стихов наизусть. Так, Абу Саид говорил, что помнил 30 тысяч строк до-исламской поэзии, и это не считая других знаний (Nicholson 2005, 5).

Следует иметь в виду, что практически до VIII века доисламская поэзия, исторические повествования и даже рассказы о жизни пророка передавались устно. Так дела обстояли до «политической революции Аббасидов 750 года», «которая передала власть от арабских вождей, правивших согласно традиции бедуинов, новой городской элите, в которой уже не арабы, а наследники культурных традиций Византии и Персии Сасанидов играли ведущую роль». В этих новых условиях «ученые взяли на себя задачу не только зафиксировать устную традицию в ее установленных формах, но также анализировать и кодифицировать язык этой традиции, что дало начало арабской грамматике (в широком значении)» (Beeston 1983, 4). Большую роль в развитии филологии сыграла традиция, связанная с хадисами – складывались сборники рассказов о жизни, делах и словах пророка. Первоначально они складывались устно, потом начали записываться, потом кодифицироваться и изучаться.

Уже с начала VIII века эти тексты начинают обрабатываться тематически, снабжаться комментариями – отдельные части располагаются по темам в соответствии с религиозными законами, причем каждая посвящена одному аспекту – чистоте, молитве, милостыне, посту и др., в свою очередь каждая часть делилась на разделы, начинавшиеся с соответствующих хадисов, снабженных комментариями, или вопросами и ответами, основанными на других хадисах или на тексте Корана, или ссылкой на обычаи Медины (Muhammad Abdul Rauf 1983, 273). И позже, в начале второго тысячелетия нашей

эры, поэты осуществляют синтез арабской и персидской поэтических традиций. Так, Низами своими романтическими поэмами «задает новый стандарт литературных достижений. Используя темы из устной традиции и письменных исторических источников, его поэмы объединяют доисламскую и исламскую Персию. Они написаны в поэтической форме *маснави*, когда каждая строка состоит из двух рифмующихся двестишій, независимых от других строк, подобно двестишиям «Кентерберийских рассказов» Чосера. Эта форма издавна использовалась при создании эпических и дидактических поэм, но благодаря творческому гению Низами она приобрела небывалое величие и пластичность» (Chelkowski 1975, 6). Но что особенно примечательно: в своих сочинениях поэты дают подробные описания устройства земли и небес в соответствии с астрономическими представлениями своего времени. Так, у Низами в его шедевре «Лейли и Меджнун» в главе 34 мы встречаем такое описание ночи:

*Ночь сияла, как светлый день,
Небосвод расцвел, как зеленый луг.*

*От ожерелья с золотыми подвесками
Позолотился лик неба.*

*Планеты в хороводе красоты
Пустились в пляс на коврике горизонта.*

*В дива светоч метнул копьё,
Издали возгласил: «Нет силы и нет...»*

*Мускусная железа ночи напоила ароматом воздух,
Жемчужина луны озарила землю.*

*С этой жемчужиной и той железой шестиарочный шатер неба
Наполнил страны света украшениями и благовониями.*

*Звезды преобразились,
Они обновили свою красоту.*

*Сто разновидностей звезды Шаб-Аханг
Явил небосвод на одном престоле.*

*Небесной скачкой небо взяло
В осаду медную твердыню Полюса ...*

(Низами 2008, пер. и комм. Н.Ю. Чалисовой, М.А. Русанова, 421–422).

Здесь и представление о падающих звездах как о копьях, которыми ангелы отгоняют шайтанов, небо, как царский шестиарочный шатер, и яркая звучащая звезда Сириус (Шаб-Аханг – «соловей»), и т.д., – обрамленное восточной пышностью аристотелевское представление о космосе (Низами

2008, пер. и комм. Н.Ю. Чалисовой, М.А. Русанова, 421–422). Низами писал в XII веке, но манифестация астрономических и других научных знаний известны в персидской поэзии по крайней мере с девятого века (Kheirandish 2016, 51).

Необходимо было наводить порядок и в устной традиции чтения Корана, изложенного ритмической прозой. Нужно было его правильно читать и толковать. Уже представители первой крупной богословской школы калама (толкования догматов ислама на основе разума) мутазилиты активно занимались вопросами фикха (религиозно-правовых проблем) и филологии. Все источники единогласно указывают на Абу л-Асуада ад-Дуали, современника халифа Али (сер. VII века), как на основоположника языковедческих исследований. В этих источниках называются и причины, побудившие Абу л-Асуада заняться проблемами грамматики. Он был обеспокоен тем, что люди, незнакомые с правилами арабского языка, стали искажать литературный язык⁴; особенно болезненно воспринимались искажения, допускаемые при чтении Корана, ведущие к искажению смысла священного писания. По тем же преданиям, Ад-Дуали разработал следующие вопросы: 1) деление частей речи на имя, глагол и частицы; 2) некоторые вопросы орфографии (первые знаки для кратких гласных); 3) вопросы флексии и др.» (Ахвледиани 1981, 54). Исследования в области арабской грамматики шли под влиянием как греческих, так и индийских работ. Лингвисты опирались на Аристотеля при классификации частей речи и на индийцев при анализе фонетики. А уже к концу VIII века появляется первая арабская грамматика. Она была написана Сибаваихи (ум. 794 г.) «Al-Kitab». К этому времени сложились две школы – куфийская (по названию города Куфа) и басрская (от названия Басры). Не случайно позже в X веке в Басре складывается учение «братьев чистоты» (Ихван ас-Сафа) – тайного исмаилитского общества по распространению научных знаний среди своих адептов. Они создали энциклопедию научных знаний, в которой «была предпринята попытка обобщить все знания и поставить их на службу человечеству» (Корбэн 2009, 135). Возьмем небольшой отрывок из этой работы:

Знайте, о братья, что под «Вселенной» (iilam) мудрецы (zukaṁii) понимают семь небес и земель, и все из сотворенного между ними. Они также называют его великим человеком (al-insiin al-kabir), потому что очевидно, что мир имеет одно тело во всех своих сферах, уровни небес, порождающие их элементы (arkiin) и то, что они порождают. Также очевидно, что она имеет одну душу, чьи силы

⁴ Дело в том, что ислам был принят племенами, которые говорили на разных диалектах и которые существенно различались по уровню грамотности. А те племена, которые имели письменность, использовали два разных алфавита.

проникают во все органы ее тела, подобно тому, как человек имеет одну душу (nafs), проникающую во все его органы» (Seyyed 1964, 67).

Здесь представлена научная, но в то же время вполне поэтическая концепция макро- и микрокосма, которая получает развитие в суфийской поэзии и позже в работах Николая Кузанского и других мыслителей позднего европейского средневековья.

Поскольку чтение и толкование Корана требовало грамотности, соответственно, возникает потребность в системе обучения, в организации школьного образования. Кроме того, имперская идеология основывалась на идее единой религии, а, учитывая разнообразие религиозных конфессий (в империи были и христиане, и иудеи, и манихеи, и еретики в самом исламе), появляется настоятельная необходимость умения отстаивать ортодоксальные взгляды и для этого правильно дискутировать. Для этого уже при третьем аббасидском халифе аль-Махди переводится «Топика» Аристотеля с ее учением о том, как выдвигать и защищать аргументы во время спора. Развивается риторика. В свою очередь, логика и риторика оказались крайне востребованными для укрепления религиозного законодательства (Gutas 1998, 62–69). Благодаря этому арабский язык становится все более богатым, и к середине IX века он уже смог быть использован учеными разных специальностей.

В девятом веке возникают центры высшего образования. Так, например, в каирскую мечеть аль-Ажар приглашают около 40 ученых, и с конца IX-го века отсчитывает свое начало Каирский университет. Это второй по старшинству непрерывно действующий университет после Карауинского университета, основанного в 859 году принцессой Фатимой аль-Фихри в Фесе (Марокко). В этом университете на нескольких факультетах учились и мужчины, и женщины.

Начинается активная переводческая деятельность. Здесь свою роль сыграла традиция, которая идет еще из Ассирии и персидской державы. По их образцу аль-Мансур создает королевскую библиотеку. «С установлением Аббасидского халифата переводы греческих, сирийских, пелави и санскритских источников по разным наукам становятся доступным на арабском языке, с тем результатом, что в дополнение к более ранним школам грамматиков и поэтов, традиционалистов, комментаторов, историков и аскетов суфи, всех тех, кто опирался в своих знаниях почти исключительно на исламское откровение, начинают появляться новые школы с опорой на не-исламское знание» (Seyyed 1964, 12). Именно переводчики «разработали арабскую научную и философскую терминологию («истиляхат»), ставшую позднее универсальным научным языком всех арабо-мусульманских ученых» (Фильштинский 1985, 275).

А Харун ар-Рашид создает так называемый Дом знаний («Бейт аль-хикма»), который включает отдел переводов, библиотек и собрание ученых со всей империи, а его сын аль-Мамун придает этому учреждению государственный характер. Создается обсерватория и начинается проводятся научные эксперименты. Во время переговоров с Византией арабы просят разрешения скопировать важнейшие тексты греческих классиков. Уникальный случай в истории – передача экземпляра важнейшего сочинения Птолемея, известного сейчас под арабским названием «Альмагест», была условием мирного соглашения между халифатом и Византией (Lyons 2009, 63). К XI веку арабский язык становится языком науки, и многие термины и названия (в частности названия ряда звезд) вошли в международный словарь – это «алембик» (перегонный куб), «алгебра», «алкоголь», «зенит», «надир», «эликсир», «химия», «муссон», «вега», «ригель», «альдебаран» и др.

При этом сам стиль научных сочинений, например по астрономии, мог оставаться поэтическим. Поэтические качества научных текстов «напоминают читателю, что как искусство в средние века было наукой (*ars sine scientia nihil*), так же и наука была искусством, и, подобно искусству, упускала определенные внешние детали для того, чтобы выявить внутреннюю сущность» (Seyyed 1964, 102). Можно вспомнить и тот факт, что Ибн Сина и Омар Хайям были поэтами, а Беруни в своих астрономических сочинениях ссылается на поэтов наряду с учеными, философами и текстами священных книг, включая Коран, Библию и Авесту.

Арабы «делили науки, не без основания с точки зрения их исторического развития в халифате, на “старые” (ал-у лум ал-кадима) и “новые” (ал-у лум ал-хадиса). Начало первых (филологии, догматики, юриспруденции и истории) они относили ко времени Омейядов, вторых (астрономии, математики, медицины и философии) – ко времени Аббасидов» (Крачковский 1957, 16). Тем самым четко фиксируется последовательность перехода от гуманитарных наук (они, конечно, продолжают развиваться и позже – мы уже отмечали, что первая грамматика относится ко времени первых Аббасидов), которые заложили основу – саму возможность научного дискурса – к естественным.

Итак, в статье приводятся аргументы, позволяющие утверждать, что по крайней мере в трех случаях в истории поэзия создала и продолжала поддерживать условия для расцвета словесной культуры, которая, в свою очередь была основой развития философского и научного дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахвледзиани, В.Г. (1981) «Арабское языкознание средних веков», *История лингвистических учений: Средневековый Восток*. Ленинград: Наука, 53–95.
- Ахутин, А.В. (1988) *Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»)*. Москва: Наука.
- Боннар, А. (1992) *Греческая цивилизация. От Еврипида до Александрии*. Москва: Искусство.
- Доватур, А.И. (1989) *Феогнид и его время*. Ленинград: Наука.
- Донских О.А. (2014) «Философия как жанр (начало)», *Методология науки и дискурс-анализ*. Москва: ИФ РАН.
- Корбэн, А. (2009) *История исламской философии*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Крачковский, И.Ю. (1957) «Арабская географическая литература», Крачковский И.Ю. *Избранные сочинения*. Т. 4. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Лебедев, А. В., пер. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов*. Москва.
- Низами (2008) *Лайли и Маджнун*. Перевод с перс. и коммент. Н.Ю. Чалисовой, М.А. Русанова. Москва: РГГУ.
- Оленич, Р.М. (1980) «Александрийская грамматическая школа», *История лингвистических учений. Древний мир*. Ленинград: Наука, 214–232.
- Столяров А.А., пер. (1999–2002) *Фрагменты ранних стоиков*. Москва: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина. Т.1. Зенон и его ученики (1999). Т. II. Хрисипп из Сол. Часть 2. Физические фрагменты (2002).
- Фильштинский И.М. (1985) *История арабской литературы. V–начало X века*. Москва: Главная редакция восточной литературы.
- Эллинские поэты (1999) *Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.* Москва: Ладомир.

REFERENCES

- Abdulla el Tayib (1983) “Pre-Islamic poetry,” *Arabic literature to the end of the Umayyad period*. Ed. by A. F. L. Beeston, T. M. Johnstone, J. D. Latham, R. B. Serjeant, G. R. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 27–113.
- Ahutin, A.V. (1988) *Ponyatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremya («physis» i «natura»)*. Moskva: Nauka.
- Ahvlediani, V.G. (1981) «Arabskoe yazykoznanie srednih vekov», *Istoriya lingvi-sticheskih uchenij: Srednevekovyj Vostok*. Leningrad: Nauka, 53–95.
- Beeston, A.F.L. (1983) “Background topics,” *Arabic literature to the end of the Umayyad period*. Ed. by A. F. L. Beeston, T. M. Johnstone, J. D. Latham, R. B. Serjeant, G. R. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 1–26.
- Blum, R. (1991) “Kallimachos,” *The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography*. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press.
- Bonnar, A. (1992) *Grecheskaya civilizaciya. Ot Evripida do Aleksandrii*. Moskva: Iskustvo.
- Chelkowski, P. J. (1975) *Mirror of the invisible world. Tales from the Khamseh of Nizami*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Cornford, F.M. (1912) *From religion to philosophy: a study in the origins of western speculation*. New York: Longmans, Green & Co; London: Edward Arnold.

- Cornford, F.M. (1939) *Plato and Parmenides*. London: Kegan Paul.
- Donskikh O.A. (2014) «Filosofiya kak zhanr (nachalo)», *Metodologiya nauki i diskurs-analiz*. Moskva: IF RAN.
- Dovatur, A.I. (1989) *Feognid i ego vremya*. Leningrad: Nauka.
- Ellinskie poety (1999) *Ellinskie poety VIII–III vv. do n.e.* Moskva: Ladomir.
- Fil'shtinskij I.M. (1985) *Istoriya arabskoj literatury. V–nachalo X veka* Moskva: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury.
- Gutas, D. (1998) *Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early 'Abbasid Society (2nd-4th/5th-10th c.)*. London: Routledge.
- Hoffman D. (2003) "Logos as composition," *Rhetoric Society Quarterly* 33.3, 27–53.
- Kheirandish, E. (2016) "Astronomical Poems from the "Four Corners" of Persia (c. 1000–1500 CE)," *Essays in Islamic Philology, History, and Philosophy*. Ed. by Stefan Heidemann, Gottfried Hagen, Andreas Kaplony and Rudi Matthee. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 51–90.
- Korben, A. (2009) *Istoriya islamskoj filosofii*. Moskva: Progress-Tradiciya.
- Krachkovskij, I.YU. (1957) «Arabskaya geograficheskaya literatura», *Krachkovskij I.YU. Izbrannye sochineniya*. T. 4. Moskva-Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Lebedev, A. V., per. (1989) *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*. Moskva.
- Lyons J. (2009) *The House of Wisdom. How the Arabs Transformed Western Civilization*. New York, Berlin, London: Bloomsbery Press.
- Muhammad Abdul Rauf (1983) "Hadith literature – 1: the development of the science of hadith," *Arabic literature to the end of the Umayyad period*. Ed. by A. F. L. Beeston, T. M. Johnstone, J. D. Latham, R. B. Serjeant, G. R. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 271–288.
- Nicholson, R. A. (2005) *Studies in Islamic mysticism*. Curzon Press. (First published in 1921 by Cambridge University Press).
- Nizami (2008) *Lajli i Madzhnun. Perevod s pers. i komment.* N.YU. Chalisovoj, M.A. Rusanova. Moskva: RGGU.
- Olenich, R.M. (1980) «Aleksandrijskaya grammaticheskaya shkola», *Istoriya lingvističeskih učenij. Drevnij mir*. Leningrad: Nauka, 214–232.
- Seyyed Hossein Nasr (1964) *An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines*. London: Thames and Hudson.
- Stolyarov A.A., per. (1999–2002) *Fragmenty rannih stoikov*. Moskva: «Greko-latinskij kabinet» YU.A. Shichalina. T.1. Zenon i ego učeniki (1999). T. II. Hrisipp iz Sol. Chast' 2. Fizicheskie fragmenty (2002).